

Әкімшілік құқық / Administrative law /
Административное право

МРНТИ 10.35.00

Обзорная статья

<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2025-152-3-63-84>

Правовые основы регулирования мобильности цифровых кочевников: международный опыт и казахстанские реалии

Б.Б. Бокаев¹, М.Д. Наурызбек^{*2}, К.Д. Наурызбек³

^{1,2}Центр исследований, анализа и оценки эффективности при Высшей аудиторской палате РК, Астана, Казахстан

³«Шардаринская ГЭС» и Qazaq Green Power PLC, Астана, Казахстан

(e-mail: baurzhanbokayev@gmail.com, m.nauryz@gmail.com, k.nauryzbek@samruk-energy.kz)

Аннотация: В статье рассматриваются современные практики регулирования интеллектуальной миграции и новые инструменты привлечения мобильных специалистов, включая визовые режимы для цифровых кочевников и программы взаимодействия с диаспорой. На основе подхода policy transfer проведён сравнительный анализ пяти юрисдикций (Испания, Португалия, Эстония, Хорватия, ОАЭ), выявлены их ключевые особенности и общие элементы. Казахстанский контекст анализируется через стратегические документы, законодательные инициативы и эмпирические данные опросов выпускников зарубежных вузов. Анализ демонстрирует, что государственная политика в настоящее время сосредоточена на привлечении и репатриации иностранных специалистов, тогда как недостаточно развиты гибкие механизмы дистанционного вовлечения собственных граждан за рубежом. Статья предлагает рассматривать международный опыт как возможность адаптировать более удобные и современные инструменты для работы с цифровыми кочевниками и диаспорой.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровые кочевники, миграционная политика, интеллектуальная миграция, международное право.

Введение

На сегодняшний день профессия digital nomad - специалиста, работающего удалённо из любой точки мира, перестаёт быть экзотикой и становится значимой составляющей глобальной экономики. По оценкам, в 2024 году насчитывается около 40 млн digital nomads, из которых 18,1 млн. - из США, а их количество выросло на 131 % по сравнению с 2019 годом [1].

Поступила: 17.08.2025. Одобрена: 25.09.2025. Доступна онлайн: 30.09.2025

Кроме того, цифровые кочевники играют важную экономическую роль: их совокупные затраты составляют примерно 787 млрд долл. США в год [2].

Постпандемийный интерес к мобильным формам работы породил множество специализированных виз (digital nomad visas). Уже более 40 стран предлагают удалённые визовые режимы, включая Португалию, Испанию, Эстонию, Таиланд и другие, с целью привлечения иностранных цифровых специалистов [3].

Цифровая мобильность становится все более важным вопросом. Всё больше профессионалов работают удаленно и выбирают другие страны для временной работы. Это влияет как на политику, так и на экономику.

Это особо важно для Казахстана. Многие талантливые люди уезжают за границу, чтобы работать в дистанционном режиме. Государством пока не разработано четкого плана, как оно будет взаимодействовать с этими работниками. Это может привести к потере ценных кадров.

Однако цифровые кочевники Казахстана представляют собой не только вызов, но и возможности. Они могут помочь в развитии страны, если поддерживать с ними связь и наладить взаимовыгодное сотрудничество.

Как развивающаяся страна Казахстан сталкивается с устойчивой интеллектуальной миграцией на фоне этих глобальных процессов. По данным Бюро национальной статистики, в 2023 году из Казахстана уехали 12 732 человека. Почти 25 % из них имели высшее образование, в основном в области технологий, экономики или права [4]. Более того, в первом квартале 2024 г. отток вырос на 42,1 % по сравнению с тем же периодом 2023 года [4]. Оценки показывают, что более 90 000 казахстанской молодёжи обучается за рубежом, и не все намерены возвращаться [5].

Идеи brain drain и brain circulation подчеркивают возможность передачи знаний и долгосрочного участия эмигрантов, даже если они работают удаленно. Когда речь идет о мозговой циркуляции, это не просто утечка кадров; это также означает возвращение или взаимодействие с родиной через знания, связи и проекты (Saxenian, 2005) [6]. Тем не менее, в Казахстане такие методы пока не оформились в полноценную систему. Но отдельные меры предпринимаются, например, разрабатываются программы поддержки возвращающихся мигрантов, инициативы по привлечению иностранных специалистов, появляются новые визовые решения. Вместе с тем эти меры являются фрагментарными и не превращаются в единую стратегию.

В результате глобальная повестка о digital nomadism и мобильности талантов развивается быстро. Однако существует значительный дефицит методов интеграции зарубежных специалистов. Казахстан должен не только бороться с утечкой мозгов, но и создавать условия для интеллектуальной циркуляции, в том числе через дистанционное взаимодействие.

Цель настоящей статьи – проанализировать международные практики в сфере визовых режимов для цифровых кочевников и диаспорных программ, а также определить, какие подходы из этого опыта могут быть применимы для развития миграционной политики Казахстана.

В этой связи в статье ставятся следующие **исследовательские вопросы**:

1. Какие подходы применяют разные страны для регулирования мобильности цифровых кочевников и взаимодействия со своими диаспорами?

2. Какие пробелы и возможности проявляются в казахстанской политике при сопоставлении с этими практиками?

Таким образом, для Казахстана стратегически важным является не только привлекать специалистов из-за рубежа, но и находить способы использовать потенциал своих граждан, которые уже живут и работают за границей. В настоящее время уже существуют глобальные инструменты, которые могут быть адаптированы к национальным условиям. Тем не менее, чтобы добиться этого, необходимо иметь глубокое понимание существующих теорий, моделей и международного опыта. В следующем разделе рассматриваются последние исследования в области digital nomadism, интеллектуальной миграции и циркуляции знаний, чтобы создать такую рамку.

Материалы и методы

Для исследования использовались научные статьи по темам цифрового нómадизма, циркуляции мозга и миграционной политики, а также аналитические отчёты международных организаций, таких, как Всемирный банк, OECD, IOM и UN DESA, которые содержат актуальные статистические данные о глобальной мобильности талантов. Кроме того, в Казахстане проводятся исследования интеллектуальной миграции на национальном уровне. Одним из примеров является эмпирическая работа Вокаев (2023), в которой были выявлены основные причины отъезда и препятствия для возвращения высококвалифицированных специалистов на основе опроса 1111 выпускников зарубежных вузов [5].

В основе исследования лежит подход policy transfer от Dolowitz и Marsh (1996) [7]. Этот подход помогает изучить полезные примеры из других стран и понять, что может быть сделано для Казахстана. Для этого был проведён сравнительный анализ пяти наиболее успешных программ digital nomad visas и инициатив по работе с диаспорой.

В анализе исследования используется двухуровневый сравнительный анализ. В первую очередь рассматривается международный опыт привлечения и удержания высококвалифицированных специалистов через визовые режимы для digital nomads, налоговые стимулы и программы работы с диаспорой. Для отбора кейсов были выбраны 5 (пять) стран с разными моделями регулирования. Для оценки используются следующие критерии: наличие долгосрочных механизмов взаимодействия с талантами за пределами страны, уровень интеграции приезжих в локальную экономику и наличие механизмов взаимодействия с талантами за пределами страны.

На втором уровне анализа используются эмпирические данные Вокаев (2023), собранные из опроса 1111 выпускников зарубежных вузов, чтобы определить основные мотивы интеллектуальной миграции и факторы, которые могут способствовать возвращению специалистов в Казахстан [5]. Также рассматриваются действующие государственные программы, такие, как инициативы по работе с диаспорой и Digital Nomad Visa KZ, а также важные стратегические и нормативные документы в области миграционной и кадровой политики.

Для обработки данных используются методы тематической классификации и контент-анализа, что позволяет выделить повторяющиеся паттерны и различия между национальными и международными практиками. Сравнительный метод

позволяет найти элементы зарубежного опыта, которые могут быть полезны для Казахстана, и определить, какие из них требуют изменений, учитывая культурную и институциональную специфику.

Литературный обзор

Makimoto и Manners (1997) впервые концептуально представили термин «digital nomad» и описали типы мобильной работы, основанной на технологиях и удаленной связи [8].

Как показала Hannonen (2020), в современном определении акцентируется мобильность и дистанция от места. Это связано с так называемыми lifestyle mobilities - мобильностью образа жизни [9]. Müller (2016) в работе выделила digital nomadism как самостоятельную категорию исследований, обращая внимание на изменения в образе жизни и мобильности [10]. Nash и et al. (2018), в свою очередь, описывают цифровых кочевников как людей, которые зарабатывают с помощью цифровых технологий, работая вне привязки к конкретному офису, совмещают работу с путешествиями, пользуются коворкингами и остаются частью глобальных сетей и цепочек труда [11]. Основываясь на анализе твитов, исследование Bahri (2024) обнаружило, что миграция из стран Глобального Севера в страны Глобального Юга преобладает, а цифровая миграция обычно воспринимается положительно в Интернете. Исследование также подчеркнуло роль социальных сетей в формировании паттернов миграции [12].

Теория человеческого капитала (Becker, 1975) является теоретической основой анализа мобильности квалифицированных кадров и показывает, как миграция квалифицированных кадров может способствовать экономическому росту, передаче знаний и расширению профессиональных сетей [13]. В настоящее время традиционная идея brain drain, или утечки мозгов, была заменена концепцией brain circulation - циркуляции мозгов, в которой специалисты не просто возвращаются домой, но и активно участвуют в развитии родины через проекты, консультации и сети [14, 15]. Даже при отсутствии физической репатриации транснациональные профессиональные сообщества играют важную роль в передаче технологий и создании инновационных кластеров, как показано Saxenian (2005) на примерах Китая и Индии [6].

Настоящие тенденции подтверждаются исследованиями в Казахстане. Вокаев (2023) опросил 1 111 выпускников зарубежных вузов, обнаружив, что главными драйверами интеллектуальной миграции являются более высокие зарплаты (54 %), развитая инфраструктура (52 %) и карьерные перспективы (38 %), что подтверждают международные паттерны на национальном уровне [5].

Когда речь идет об адаптации успешных международных практик, одной из самых полезных концепций считается policy transfer в интерпретации Dolowitz и Marsh (1996) [7].

Они обобщили более ранние концепции, такие, как lesson-drawing (Rose, 1991) [16] и методы распространения политики, и создали единую рамку, которая помогает понять, как государства заимствуют политические решения или концепции из внешнего опыта и адаптируют их к своим условиям. Эта рамка не только позволяет определить, кто заимствует, но и позволяет рассмотреть, насколько глубоко меняется политика, и какие

культурные или институциональные факторы могут затормозить или ускорить этот процесс. Новые исследования (Minkman et al., 2018) показали, что успех переноса зависит от умелой адаптации мер к местным условиям, а не от их формального копирования [17]. Это особенно важно для Казахстана, потому что даже самые эффективные модели из других стран могут не приносить желаемых результатов, если не учитывать специфические административные структуры и существующие неформальные правила.

Казахстан тоже предпринимает попытки адаптировать международный опыт. Narymbaeva et al. (2024) изучает, как государство создает условия для привлечения талантов, упрощая визовые процедуры, академическое сотрудничество и международные кампусы. Однако эти инициативы остаются фрагментарными [18].

Пандемия COVID-19 способствовала широкому распространению электронных виз. По данным отчета EY Global (2024), к июлю 2024 года они были доступны для продажи в более чем 40 странах [19]. Эстония, Португалия, Испания, Хорватия и Таиланд являются яркими примерами таких стран [20]. Согласно Bednorz (2024), дизайн этих виз сильно различается: от требований к минимальному уровню дохода и налоговым льготам до обязательств по интеграции в локальные сообщества [21]. Также выявляются три ключевые мотивации, которые определяют выбор визовых стратегий для цифровых кочевников: стимулирование туризма, привлечение капитала и создание новых каналов иммиграции [20]. Кроме того, OECD представила обновленную методологию Indicators of Talent Attractiveness во втором издании (Andersson, 2025), которая включает новые измерения, такие, как эффективность здравоохранения и рейтинг для основателей стартапов [22]. Это позволяет оценивать конкурентоспособность стран по визовой политике, качеству институтов, инновационному потенциалу и социальным условиям.

Хотя пока в Казахстане нет официальной «digital nomad visa», страна реализует иные инициативы: например, стипендиальная программа Bolashak способствует возвращению специалистов, а образовательные гранты и региональные программы формируют внутренние механизмы миграционной циркуляции [23].

Традиционные подходы к работе с диаспорой сосредоточились на возвращении специалистов. Между тем новая практика показывает, что удаленное участие с помощью консультаций и совместных проектов может быть не менее важно. Примером является программа IOM Netherlands Connecting Diaspora for Development (CD4D2), которая показала, что успех зависит от трех вещей: насколько задания соответствуют повседневной работе коллег, готовность принимающих организаций к обучению и грамотность педагогов [24].

Воздействие цифрового кочевничества на принимающие территории становится все более многосторонним. Одно из его преимуществ заключается в том, что оно может способствовать развитию местной экономики за счет увеличения туризма, создания новых творческих секторов и создания глобальных сетей сотрудничества [25]. Вместе с тем исследования показывают, что визовые инициативы могут вызвать регуляторные пробелы и большее социальное напряжение, если приезжие не интегрируются в социально-экономическую ткань городов с помощью системных мер [20].

Сегодня международные показатели необходимы для оценки привлекательности страны для талантов. Одним из самых авторитетных источников являются OECD Indicators of Talent Attractiveness (ITA). В своей обновленной версии от 2025 года ITA

расширила свой список критериев и добавила новые, такие, как условия для стартапов и здравоохранение [22]. В своем ежегодном отчете о миграции 2024 года Международная организация по миграции (ИОМ) показывает, как меняется мировая карта перемещения людей, кто и почему выбирает ту или иную страну и какие тенденции становятся все более мощными [26]. В своей последней статистике International Migrant Stock 2024 UN DESA фиксирует точные цифры и динамику международных миграционных потоков, что позволяет увидеть глубокие истории перемещений [27].

Подытоживая, обзор литературы демонстрирует, что международный опыт цифрового кочевничества и диаспоры дает Казахстану ценные ориентиры. Важно учитывать национальные условия и институты, чтобы эти практики могли быть эффективно применены.

Результаты и обсуждение

Международный опыт показывает, что страны борются за привлечение мобильных специалистов, предлагая налоговые послабления, специальные визы и «мягкую инфраструктуру» – цифровые услуги и программы для диаспоры. Чтобы продемонстрировать различные подходы, мы выбрали 5 (пять) наиболее показательных примеров: Испанию, Португалию, Эстонию, Хорватию и Объединенные Арабские Эмираты (Дубай). Это интересные страны, потому что они отражают различные региональные модели от Южной Европы до Балтии и Ближнего Востока. Обозначенные страны предлагают разные комбинации инструментов: от виз для цифровых кочевников до программ по возвращению собственных граждан.

Таблица 1. Сравнительный обзор ключевых подходов привлечения мобильных специалистов (цифровых кочевников)

Страна	Визовый режим	Налоговый режим	Инструменты удалённой интеграции / диаспоры
Испания	<i>International Remote Work Visa (visado de residencia para teletrabajadores de carácter internacional)</i> , более известная как Digital Nomad Visa, введена в рамках Ley 28/2022 (Startup Law). Начальная виза до 1 года (для заявителей из-за рубежа) или до 3 лет (для тех, кто уже внутри), с продлением до 5 лет; минимальный доход – примерно €2 760/мес (200 % от SMI, на 2025 г.), +75 % SMI для первой сопровождающей особы, +25 % SMI на каждого последующего.	Impatriate tax regime (также называют Beckham Law) – ставка 24 % на доход, полученный в Испании, до €600 000/год, при этом доход из-за рубежа не облагается налогом; действует на срок до 6 лет.	Региональные грантовые инициативы (например, в Экстремуре – поддержка релокации специалистов). Дополнительно действует национальный Plan de Retorno a España (2019 г.), направленный на возвращение испанцев из-за рубежа (трудоустройство через SEPE, карьерное сопровождение, признание дипломов).

Португалия	<i>Visto de residência para o exercício de atividade profissional prestada de forma remota para fora do território nacional (Nómada Digital)</i> . Digital Nomad Visa (D8): национальная виза (до 4 мес.) + вид на жительство. Первая авторизация – 2 года, затем продление ещё на 3 года (AIMA, Lei 23/2007). Минимальный доход: 4× MPOT/месяц (в 2025 г. ≈ €3 040; +50% супруг, +30% ребёнок).	Прямого спецрежима для digital nomads нет, но применяется общая программа Non-Habitual Resident (NHR), предлагающая 20% плоский налог на определённые виды дохода и льготы на 10 лет. Регламентируется Декретом 352/2024.	Действует Programa Regressar (с 2019 г.), направленная на возвращение португальцев из-за рубежа. Включает налоговые льготы (50% освобождение от подоходного налога на 5 лет), субсидии на переезд и карьерное сопровождение.
Эстония	<i>Digital Nomad Visa Эстонии оформляется как виза D</i> (до 12 месяцев, возможен краткосрочный формат C). Кандидат должен подтвердить стабильный доход: в гостуристическом портале указано €3 504/мес., тогда как ряд посольств требует €4 500/мес.	Специального «налогового режима для цифровых кочевников» нет. Налоговое резидентство возникает, если вы находитесь в Эстонии ≥183 дня в течение 12 месяцев; статус e-Residency не является налоговым резидентством.	Целевой «возврат с финансовыми стимулами» именно для высококвалифицированных мигрантов/номадов не выделен. Вместе с тем действуют: 1) Estonian Diaspora Action Plan 2022–2025 (поддержка связей с диаспорой, «возврат приветствуется и поддерживается»); 2) Return Support (адресная помощь семьям с детьми при возвращении).
Хорватия	<i>Digital Nomad Visa</i> в виде временного вида на жительство на 12 месяцев, который не продлевается – допускается повторное оформление через 6-месячный перерыв. Заявители должны работать удалённо на работодателя, не зарегистрированного в Хорватии. Минимальный доход: €3 295/мес. брутто (то есть ≈ 2,5 средних зарплат)	Согласно ст. 9(1)(26) закона о подоходном налоге (PITA), доход digital nomads, полученный от иностранных источников – то есть от работодателей/клиентов за пределами Хорватии – освобождён от налога. Это распространяется на remote work, а не пассивный доход.	Специальных программ для возвращения или интеграции соотечественников, включая digital nomads, нет.
ОАЭ (Дубай)	В ОАЭ с 2021 года действует Virtual Work Residence Visa (часто называемая Dubai Digital Nomad Visa), предоставляющая право проживания сроком	В ОАЭ отсутствует подоходный налог; цифровые кочевники полностью освобождены от него во время	Специализированных программ для возвращения граждан (диаспоры) или закрепления цифровых кочевников

	на один год с возможностью продления при подтверждении дохода не ниже \$3 500–5 000 в месяц.	пребывания.	нет – отсутствуют гранты, программы менторства или подготовки для соотечественников. Но в партнерстве с Airbnb запущен Dubai Remote Working Hub – это цифровая платформа, предоставляющая информацию об аренде, визах и правилах для удалённых работников, действующая как “одно окно”.
--	--	-------------	---

Примечание. Составлено авторами на основании источников [28-53].

Анализ подходов, представленных в различных странах, демонстрирует, что сегодня государственное внимание к цифровой миграции является устойчивым направлением политики, аневременным трендом. Страны, стремящиеся стать глобальными цифровыми хабами, сознательно создают привлекательные социальные и налоговые условия для удаленных специалистов. Таким образом, это порождает новую конкуренцию между государствами, направленную на борьбу за человеческий капитал, а также цифровые навыки.

Скорость и гибкость, с которой законодательство адаптируется к новым условиям, являются важными факторами в этой конкуренции. Например, в то время как одни страны стремятся быстро ввести цифровые визы, другие уже меняют свои налоговые политики и создают условия для открытия счетов и аренды жилья. Там, где всё устроено просто и понятно, удаленным работникам комфортнее. Люди не только смотрят на цифры и проценты, но и на то, насколько просто «общаться» с государством: есть ли поддержка, понятные правила и быстрая реакция на запросы.

Так, взаимодействие страны с цифровыми работниками имеет решающее значение. В местах, где мигранты не чувствуют себя изолированными, создается атмосфера, которая позволяет им работать и жить полноценной жизнью. Это подразумевает всестороннюю поддержку, такую, как доступ к городским услугам, информационным платформам на английском языке, программам вовлечения и др.

Для анализа зарубежного опыта в статье используется концепция policy transfer. Это позволяет рассматривать международные практики как модели, которые могут быть адаптированы к национальному контексту. Тем не менее, простое копирование не означает, что это приведет к желаемому успеху. Важно учитывать культурные различия, институциональные различия, уровень цифровой зрелости. Необходимо также брать в учет нормативно-правовую среду. Адаптация подобных моделей в Казахстане требует рассмотрения возможных препятствий, таких, как сложность административных процедур, недостаток кадров в цифровой отрасли и восприятие цифровых мигрантов

как новой категории. Идея policy transfer помогает систематизировать международные подходы и определить элементы, которые могут быть интегрированы в казахстанскую миграционную политику.

В Казахстане применение подобных практик требует особой подготовки. Важно не только изменить законы, но и создать цифровую инфраструктуру, повысить уровень цифровой грамотности государственных служащих и создать кадровый резерв для подобных миграционных услуг. В этом смысле концепция policy transfer позволяет не только изучить опыт других стран, но и извлечь из него именно те элементы, которые могут быть применимы в Казахстане.

Во-первых, визовые режимы для специалистов, работающих удаленно, были разработаны во всех пяти странах. В Испании, Эстонии и Хорватии это отдельные «Digital Nomad Visa», а в Португалии и Дубае это специальные форматы, включенные в уже существующие миграционные процедуры. В этом отношении существуют различия в подходах. Например, Дубай сосредоточен на быстром обслуживании и инфраструктуре в свободных экономических зонах, а европейские страны устанавливают правила, чтобы гарантировать прозрачность.

Во-вторых, большинство этих стран проводят политику, направленную на поддержку своих диаспор. В Португалии и Испании действуют программы возвращения соотечественников. Такие программы предлагают помощь в трудоустройстве, предусматривают налоговые льготы и различные адаптационные меры. Эстония активно работает с уехавшими гражданами через стратегию поддержки возвращения. В отличие от них, Хорватия и ОАЭ больше ориентированы на привлечение новых международных специалистов, а не на возвращение своих граждан.

Визовая политика во многих странах теперь является более целенаправленным планом развития человеческого капитала, чем просто инструментом допуска в страну. Цифровые кочевники могут выступать как резиденты, инвесторы и даже как члены местных сообществ. Их выбор зависит не только от официальных обстоятельств, но и от того, насколько комфортно и безопасно они чувствуют себя в новой стране.

Следует отметить, что государства, стремящиеся привлечь внимание высококвалифицированных цифровых работников, думают уже и о других организационных вопросах, помимо виз. Зачастую они сотрудничают с частным сектором, университетами и городскими властями, создают коворкинги и внедряют иные меры адаптации. В такой системе любой работник чувствует себя полноценно вовлеченным, а не изолированным человеком с другой местности.

Подводя итоги, очевидно, что любая страна, стремящаяся к успеху, использует несколько инструментов, такие, как визовые механизмы, налоговые стимулы и средства поддержки. Это означает, что для Казахстана лишь визового режима будет недостаточно. Чтобы стать конкурентоспособным, нужно предпринять ряд шагов, таких, как удобные правила въезда, налоговые преференции и сотрудничество с диаспорой. Их комбинация определяет привлекательность страны в долгосрочной перспективе.

Казахстанский контекст

Увеличение числа квалифицированных рабочих в Казахстане в последние годы привело к реформированию миграционной политики страны. Правительство стремится предоставить им возможность возвращаться или участвовать в развитии страны.

Основным документом в этой области является Концепция миграционной политики на 2023–2027 годы (Постановление Правительства № 961 от 30.11.2022). Акт устанавливает стратегические цели, такие, как достижение положительного сальдо внешней миграции, повышение привлекательности страны для иностранных специалистов и создание механизмов для работы с соотечественниками за рубежом [54]. Концепция определяет ответственные стороны в лице профильных министерств, НАО «Фонд Отандастар» и Всемирной ассоциации казахов, а также указывает на необходимость баланса между сокращением миграционных потерь и целенаправленным привлечением кадров.

Тем не менее, в документе отсутствует отдельная глава, посвященная дистанционным методам участия диаспоры или удаленных казахстанских специалистов. Это значительно ограничивает возможности достижения целей, изложенных в нем.

Закон «О миграции населения» [55] и Правила въезда и пребывания в Республике Казахстан (Постановление Правительства № 148 от 28.01.2022) [56] составляют основу миграционной системы. Хотя эти акты первоначально не предусматривали отдельной правовой категории, связанной с дистанционной занятостью, они задают общие процедуры и категории мигрантов.

Тем не менее в последние годы Казахстан начал приспосабливаться к мировым тенденциям цифровой мобильности. С 2024 по 2025 год были введены новые механизмы для иностранцев: появилась Neo Nomad Visa (B12-1) [57], а в 2025 году был запущен сервис Digital Nomad Residency, который позволяет определенным категориям ИТ-специалистов подавать документы и получать вид на жительство в удаленном формате [58]. Эти меры демонстрируют, что государство готово принять международные стандарты привлечения мобильных профессионалов. Тем не менее пока не разработан соответствующий правовой инструмент для своих граждан, работающих удаленно за пределами страны. Это, в свою очередь, создает явный разрыв в политике.

Взаимодействие с диаспорой основывается на работе НАО «Фонд Отандастар» [59] и Всемирной ассоциации казахов. Организации поддерживают қандас при переезде на родину, проводят культурные мероприятия и предоставляют им информационную поддержку [60]. Таким образом, репатриация и сохранение культурной идентичности являются главными их ориентирами. Намного меньше внимания уделяется созданию рычагов для профессионального обмена и передачи знаний от казахстанцев, которые находятся за границей. Следовательно, работа с диаспорой в большей степени сводится к возвращению граждан, но не к созданию регулярных способов для их дистанционного участия в экономике страны.

В отношении кадровой политики также наблюдаются аналогичные тенденции. Одним из наиболее известных примеров является программа «Болашақ» [61], которая в течение многих лет служила основным инструментом государственной образовательной политики. Закон прямо требует, чтобы студенты, закончив учебу за границей, вернулись в Казахстан и работали там в течение трех-пяти лет. Хотя эта модель способствует притоку специалистов в национальную экономику, она не предусматривает более адаптивных форм сотрудничества с людьми, которые остаются за рубежом, которые могут быть полезны в дистанционном режиме.

Несмотря на то, что правительство предлагает множество различных программ и стратегий, их влияние в основном зависит от того, как их воспринимают потенциальные

пользователи. Кроме того, эффективность программы влияет на их шансы на продвижение в карьере. Иными словами, подобные подходы имеют результативность только тогда, когда все в совокупности совпадает с мотивацией потенциального сотрудника.

Исследование Bokayev (2023), основанное на опросе 1111 выпускников зарубежных университетов и 44 глубинных интервью, показало, что вопрос развития карьеры имеет решающее значение при решении о невозврате. Эта выборка оказалась особенно полезной, поскольку именно такие респонденты, которые получили качественное образование, хорошо владеют цифровой грамотностью и языковыми навыками, представляют наиболее вероятную группу будущих цифровых мигрантов. Их точки зрения помогают лучше понять привлекательные или сдерживающие условия, что делает анализ более применимым для создания политики цифровой миграции.

Согласно результатам опроса, ключевыми мотивами выступают ограниченные карьерные возможности в Казахстане (34%), общее качество жизни за рубежом (29%), восприятие высокого уровня коррупции (28%) и низкие зарплаты на родине (26%). В интервью респонденты также подчеркнули административные барьеры, отсутствие меритократических стимулов и ограниченность возможностей карьерного роста [5].

Эти результаты показывают, что только культурных мер недостаточно для реального вовлечения квалифицированных специалистов. Нужны прозрачные карьерные механизмы и возможности для профессиональной реализации.

Таким образом, есть несколько аспектов. Первый имеет инструментальный характер. Хотя Казахстан создал удобные инструменты для привлечения иностранцев, такие, как Neo Nomad Visa и Digital Nomad Residency, он не предоставил своим гражданам аналогичные программы, что ограничивает их возможность работать удаленно. Второй относится к вопросу организации. Поскольку основные государственные структуры по работе с диаспорой сосредоточены на культурной интеграции, систематическая работа с профессиональным опытом соотечественников за рубежом пока слабо развита. Третий аспект связан с принципом меритократии. Согласно данным Bokayev (2023), желание выпускников вернуться или сотрудничать определяется карьерной перспективой и честной конкуренцией, а не патриотическими мотивами.

Тем не менее происходят и положительные изменения. Впервые концепция миграционной политики закрепила определенные показатели, такие, как достижение положительного сальдо внешней миграции [54]. Казахстанцы также могут получить доступ к таким инструментам, как виза для цифровых кочевников. Это позволит гражданам страны дистанционно участвовать в экономике. Если такие механизмы будут интегрированы с государственными приоритетами, такими, как региональные программы или научные исследования, диаспора сможет действительно играть активную роль в развитии страны.

Таким образом, проведенный анализ позволяет ответить на поставленные исследовательские вопросы.

В первую очередь, мировой опыт показывает, что страны используют множество инструментов. Например, одни вносят изменения в уже существующие механизмы миграционной политики, а другие создают программы поддержки диаспоры и цифровые визы. Некоторые из этих подходов основываются на налоговых стимулах, другие подразумевают поддержку культурных проектов.

Во-вторых, сравнение с казахстанской практикой показывает как существенные проблемы (например, отсутствие инструментов для дистанционного участия граждан и ограниченность меритократических возможностей), так и новые возможности. Последние включают новые целевые показатели в миграционной политике и разработку визовых решений для цифровых кочевников.

В целом это показывает, что Казахстан может использовать опыт других стран, чтобы совершенствовать свои подходы и найти более гибкие способы сотрудничества со своими гражданами за рубежом.

Заключение

Следует заключить, что результаты исследования демонстрируют, что миграционная политика Казахстана находится в переходной стадии развития. С одной стороны, правительство вводит новые инструменты, такие, как визовые решения и целевые показатели по внешней миграции. Это свидетельствует о том, что строится более системный подход. Однако, поскольку основное внимание уделяется репатриации, форматы дистанционного вовлечения соотечественников недостаточно развиты.

Эмпирические данные подтверждают, что молодые профессионалы больше склонны полагаться на прозрачные карьерные перспективы и конкурентоспособные условия, нежели на административные структуры или патриотические мотивации.

Во многих странах подход к цифровым мигрантам выходит за рамки лишь одной визовой политики. Государства прилагают различные усилия, чтобы развивать инфраструктуру и создавать благоприятную социальную среду. Все это способствует привлечению качественных специалистов. Кроме того, это также обеспечивает и удержание привлеченных кадров. Казахстан может использовать подобную стратегию, адаптируя зарубежный опыт к своим условиям.

Результаты настоящего исследования позволяют выделить несколько направлений, которые могли бы быть полезны для государственной миграционной политики. В первую очередь, следует рассмотреть возможность включения в Закон РК «О миграции населения» специальной категории казахстанцев, работающих удалённо за границей. Во-вторых, следует особо проработать налоговые и иные профессиональные стимулы для тех, кто хочет сотрудничать с государством дистанционно. В-третьих, важно создавать различные формы профессионального взаимодействия, такие, как цифровые платформы, участие в проектах или, к примеру, онлайн-стажировки. Подобные меры помогут поддерживать профессиональные контакты с казахстанцами, работающими за рубежом.

Источники финансирования. Исследование выполнено в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (проект ИРН AP26104137)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии потенциальных или явных конфликтов интересов, связанных с данной публикацией.

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке идеи исследования, сборе и анализе данных, а также в подготовке текста статьи. Рукопись была совместно обсуждена и доработана. Каждый из авторов согласен с финальной версией и несёт ответственность за достоверность представленных результатов.

Список литературы

1. Savvy Nomad Blog, Digital Nomad Statistics 2024, доступно по адресу: <https://blog.savvynomad.io/digital-nomad-statistics> (дата обращения: 25.09.2025).
2. A Brother Abroad, Digital Nomad Statistics: 2024 Global Trends, доступно по адресу: <https://abrotherabroad.com/digital-nomad-statistics> (дата обращения: 25.09.2025).
3. ProNomad, Digital Nomad Visa: Full List, доступно по адресу: <https://pronomad.ru/blog/digital-nomad-visa-full-list/> (дата обращения: 25.09.2025).
4. The Diplomat, Causes and Consequences of Kazakhstan's Brain Drain, доступно по адресу: <https://thediplomat.com/2024/08/causes-and-consequences-of-kazakhstans-brain-drain> (дата обращения: 25.09.2025).
5. Bokayev B., Beyond Borders: Understanding Intellectual Migration among Kazakhstani Graduates of Foreign Universities (2023), доступно по адресу: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1407423.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).
6. Saxenian A., From brain drain to brain circulation: Transnational communities and regional upgrading in India and China, Stud. Comp. Int. Dev. 40(2), 35–61 (2005), <https://doi.org/10.1007/BF02686293>.
7. Dolowitz D., Marsh D., Who learns what from whom: A review of the policy transfer literature, Polit. Stud. 44(2), 343–357 (1996), <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00334.x>.
8. Makimoto T., Manners D., Digital Nomad (John Wiley & Sons, 1997).
9. Hannonen O., In search of a digital nomad: Defining the phenomenon, Inf. Technol. Tour. 22(3), 335–353 (2020), <https://doi.org/10.1007/s40558-020-00177-z>.
10. Müller A., The digital nomad: Buzzword or research category?, Transnatl. Soc. Rev. 26(3), 312–318 (2016), <https://doi.org/10.1080/21931674.2016.1229930>.
11. Nash C., Jarrahi M. H., Sutherland W., Phillips G., Digital nomads beyond the buzzword: Defining digital nomadic work and use of digital technologies, Proc. 51st Hawaii Int. Conf. Syst. Sci. (Univ. Hawaii at Manoa, 2018), 1–10, https://doi.org/10.1007/978-3-319-78105-1_25.
12. Bahri M. T., Evidence of the digital nomad phenomenon: From 'Reinventing' migration theory to destination countries readiness, Heliyon 10(17) (2024), <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e36655>.
13. Becker G.S., Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis (National Bureau of Economic Research, 1975).
14. World Bank, Module 9—Brain drain, World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies (2023), доступно по адресу: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023/brief/module-9-brain-drain> (дата обращения: 25.09.2025).
15. Berger S., Brain drain, brain gain and its net effect, KNOMAD Paper 46, 2022-11 (2022), доступно по адресу: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099158408222442073/pdf/IDU-1323fa9f-7756-4666-b6a0-5018bf1c080a.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).

16. Rose R., What is lesson-drawing?, J. Public Policy 11(1), 3–30 (1991), <https://doi.org/10.1017/S0143814X00004918>.
17. Minkman E., Buuren A. van, Bekkers V., Policy transfer routes: an evidence-based conceptual model for analyzing policy transfer processes, J. Public Policy 38(2), 280–306 (2018), <https://doi.org/10.1080/01442872.2018.1451503>.
18. Narymbaeva A., Rakhymzhanov Y., Abdukarimova Z., Osmanova G., Satbayeva A., Alimbetova A., Exploring Intellectual and Educational Migration in Kazakhstan: Documentary Analysis, Access to Just. E. Eur. (2024), 317.
19. EY Global, EY Global Immigration Index: Remote Work and Digital Nomads — August 2024, Ernst & Young Global Limited (2024), доступно по адресу: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-gl/insights/workforce/documents/ey-gl-global-immigration-remote-work-and-digital-nomad-index-09-2024.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).
20. Koskela K., Beckers P., Typologizing Digital Nomad Visas: Comparing Policy Rationales from Tourism to Wealth Accumulation to Immigration, J. Comp. Policy Anal. Res. Pract. 26(5), 407–425 (2024), <https://doi.org/10.1080/13876988.2024.2343696>.
21. Bednorz J., Working from anywhere? Work from here! Approaches to attract digital nomads, Ann. Tour. Res. 105, Article 103715 (2024), <https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103715>.
22. Andersson L., Measuring and assessing talent attractiveness in OECD countries, second edition: Methodology paper, OECD Social, Employment and Migration Working Papers 318 (OECD Publishing, 2025), <https://doi.org/10.1787/133b6085-en>.
23. Akhmetova G., Davletbayeva Z., Ismailova R., Torebekova Z., Education as an Economic Instrument of Internal Migration Regulation in Kazakhstan: Analysis and Evaluation of State Initiatives, J. Soc. Stud. Educ. Res. 16(1), 163–187 (2025).
24. IOM Netherlands, Connecting Diaspora for Development 2 (CD4D2) Final Evaluation Report, IOM The Netherlands (2023), доступно по адресу: https://iom-nederland.nl/images/CD4D/2023/CD4D2_Final_Report_27-10-23.pdf (дата обращения: 25.09.2025).
25. Hannonen O., Quintana T. A., Lehto X. Y., A supplier side view of digital nomadism: The case of destination Gran Canaria, Tour. Manag. 97, Article 104744 (2023), <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2023.104744>.
26. International Organization for Migration, World Migration Report 2024 (IOM, 2024), <https://doi.org/10.18356/9789292685980>.
27. United Nations, International Migrant Stock 2024: Key facts and figures, UN DESA/POP/2024/DC/NO. 13 (2024), доступно по адресу: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf (дата обращения: 25.09.2025).
28. Boletín Oficial del Estado, Ley 28/2022, de fomento del ecosistema de las empresas emergentes (BOE-A-2022-21739) (2022), доступно по адресу: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2022-21739 (дата обращения: 25.09.2025).
29. Stofferis A., Spain Digital Nomad Visa 2025 Update (2025), доступно по адресу: <https://citizenremote.com/visas/spain-digital-nomad-visa> (дата обращения: 25.09.2025).
30. Bright!Tax, The Beckham Law in Spain: Tax benefits for expats explained (2023), доступно по адресу: <https://brighttax.com/blog/beckham-law-in-spain> (дата обращения: 25.09.2025).
31. Get Golden Visa, Beckham Law Spain: Tax regime for foreign workers (2024), доступно по адресу: <https://getgoldenvisa.com/beckham-law-spain> (дата обращения: 25.09.2025).

32. Euronews, Want to get paid to move to Spain? Extremadura is luring digital nomads with €15,000 grants (2024), доступно по адресу: <https://www.euronews.com/travel/2024/08/23/want-to-get-paid-to-move-to-spain-extremadura-is-luring-digital-nomads-with-15000-grants> (дата обращения: 25.09.2025).
33. Boletín Oficial del Estado, Acuerdo del Consejo de Ministros por el que se aprueba el Plan de Retorno a España (BOE-A-2019-4705) (2019), доступно по адресу: <https://www.boe.es/boe/dias/2019/03/30/pdfs/BOE-A-2019-4705.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).
34. AIMA, Autorização de residência para o exercício de atividade profissional prestada de forma remota com visto de residência para o exercício de atividade profissional, Agência para a Integração, Migrações e Asilo (2025), доступно по адресу: <https://aima.gov.pt/pt/trabalhar/autorizacao-de-residencia-para-o-exercicio-de-atividade-profissional-prestada-de-forma-remota-com-visto-de-residencia-para-o-exe> (дата обращения: 25.09.2025).
35. Diário da República, Decreto-Lei n.º 112/2024 (2024), доступно по адресу: <https://diariodarepublica.pt/dr/detalhe/decreto-lei/112-2024-900706889> (дата обращения: 25.09.2025).
36. Diário da República, Portaria n.º 352/2024 (2024), доступно по адресу: <https://diariodarepublica.pt/dr/detalhe/portaria/352-2024-901014291> (дата обращения: 25.09.2025).
37. IEFPP, Apoio ao regresso de emigrantes a Portugal [Support to the return of emigrants to Portugal], Instituto do Emprego e Formação Profissional (2025), доступно по адресу: <https://www.iefp.pt/en/apoio-ao-regresso-de-emigrantes> (дата обращения: 25.09.2025).
38. KPMG, Portugal – New rules for non-habitual residents and digital nomads (Flash Alert 2025-044), KPMG Global Mobility Services (25 февраля 2025), доступно по адресу: <https://kpmg.com/xx/en/our-insights/gms-flash-alert/flash-alert-2025-044.html> (дата обращения: 25.09.2025).
39. Ministério dos Negócios Estrangeiros, National visas: General information [Tipos de visto], Government of Portugal (2025), доступно по адресу: <https://vistos.mne.gov.pt/en/national-visas/general-information/type-of-visa#work-and-investigation> (дата обращения: 25.09.2025).
40. Programa Regressar, Programa Regressar: Support for returning emigrants, Government of Portugal (2025), доступно по адресу: <https://www.programaregressar.gov.pt/en/> (дата обращения: 25.09.2025).
41. VFS Global, D residence visa for digital nomads – Portugal, VFS Global (2025), доступно по адресу: <https://www.vfsglobal.com/one-pager/portugal/india/english/pdf/d-residence-visa-digital-nomads.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).
42. Visit Estonia, Digital nomad visa, Visit Estonia (б.г.), доступно по адресу: <https://visitestonia.com/en/digital-nomad-visa> (дата обращения: 25.09.2025).
43. Y-Axis, Latest move: Estonia opens digital nomad visa (10 июля 2020), доступно по адресу: <https://www.y-axis.com.au/blog/latest-move-estonia-opens-digital-nomad-visa/> (дата обращения: 25.09.2025).
44. Embassy of Estonia in Washington, D.C., Long-stay (D) visa — Digital nomad visa, Ministry of Foreign Affairs of Estonia (б.г.), доступно по адресу: <https://washington.mfa.ee/long-stay-d-visa/> (дата обращения: 25.09.2025).
45. Estonian Tax and Customs Board, Tax residency, Estonian Tax and Customs Board (б.г.), доступно по адресу: <https://www.emta.ee/en/private-client/foreigner-non-resident/tax-residency> (дата обращения: 25.09.2025).
46. Ministry of Foreign Affairs of Estonia, Estonian diaspora action plan 2022–2025, Ministry of Foreign Affairs of Estonia (2022), доступно по адресу: <https://vm.ee/sites/default/files/documents/2022-10/Estonian%20Diaspora%20Action%20Plan%202022-2025.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).

47. Integration Foundation, Return support, Integration Foundation (б.г.), доступно по адресу: <https://integrations.ee/en/return-support> (дата обращения: 25.09.2025).

48. Ministry of the Interior of the Republic of Croatia, Temporary stay of digital nomads, Ministry of the Interior (б.г.), доступно по адресу: <https://mup.gov.hr/aliens-281621/stay-and-work/temporary-stay-of-digital-nomads/286833> (дата обращения: 25.09.2025).

49. Expat in Croatia, How to apply for Croatia's digital nomad visa (15 января 2025), доступно по адресу: <https://www.expaticroatia.com/digital-nomad-visa-croatia/> (дата обращения: 25.09.2025).

50. Wolters Kluwer International Tax Blog, Croatia: A new (tax-free) promised land for digital nomads – Part I (24 февраля 2022), доступно по адресу: https://legalblogs.wolterskluwer.com/international-tax-law-blog/croatia-a-new-tax-free-promised-land-for-digital-nomads-part-i/#_ftn8 (дата обращения: 25.09.2025).

51. General Directorate of Residency and Foreigners Affairs – Dubai, Residence visa for working outside the UAE (Virtual Work Residence Visa), Government of UAE (15 июля 2024), доступно по адресу: <https://u.ae/en/information-and-services/visa-and-emirates-id/residence-visas/residence-visa-for-working-outside-the-uae> (дата обращения: 25.09.2025).

52. Citizen Remote, Dubai Digital Nomad Visa 2025 update (5 июля 2025), доступно по адресу: <https://citizenremote.com/visas/dubai-digital-nomad-visa/> (дата обращения: 25.09.2025).

53. Airbnb, Live and work in Dubai (2025), доступно по адресу: <https://www.airbnb.ae/e/liveandworkanywheredubai> (дата обращения: 25.09.2025).

54. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30.11.2022 № 961 «Об утверждении Концепции миграционной политики на 2023–2027 годы», Adilet, доступно по адресу: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961> (дата обращения: 25.09.2025).

55. Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 22.07.2011 № 477-IV (с изменениями и дополнениями), Adilet, доступно по адресу: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (дата обращения: 25.09.2025).

56. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28.01.2012 № 148 «Об утверждении Правил въезда и пребывания в Республике Казахстан, а также Правил выезда из Республики Казахстан», Adilet, доступно по адресу: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1200000148> (дата обращения: 25.09.2025).

57. QazLegalConsult, Neo Nomad Visa (B12-1), QazLegalConsult (2025), доступно по адресу: <https://qazlegalconsult.kz/index.php/en/our-services/12-1-neo-nomad-visa> (дата обращения: 25.09.2025).

58. Egov.kz, Digital Nomad Residency, Электронное правительство Республики Казахстан (2025), доступно по адресу: https://egov.kz/cms/en/news/digital_nomad_residency (дата обращения: 25.09.2025).

59. Отандастар қоры/Otandastar Foundation, доступно по адресу: <https://oq.gov.kz/> (дата обращения: 25.09.2025).

60. Амерханова И.К., Джусибалиева А.К. Қазақстан Республикасында ішкі көші-қон үдерісін құқықтық реттеу. // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Право. № 3(140)/2022. <https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/35/15> Doi: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2022-140-3-8-20> (дата обращения: 25.09.2025).

61. Государственная программа «Болашак», Официальный сайт программы «Болашак», доступно по адресу: <https://bolashak.gov.kz/kz> (дата обращения: 25.09.2025).

Б.Б. Бокаев¹, М.Д. Наурызбек*², Қ.Д. Наурызбек³

¹Қазақстан Республикасы Жоғары аудиторлық палатасы жанындағы Зерттеулер, талдау және тиімділікті бағалау орталығы, Астана, Қазақстан,

²Қазақстан Республикасы Жоғары аудиторлық палатасы жанындағы Зерттеулер, Астана, Қазақстан,

³«Шардара СЭС» АҚ және Qazaq Green Power PLC, Астана, Қазақстан,

(e-mail: baurzhanbokayev@gmail.com, m.nauryz@gmail.com, k.nauryzbek@samruk-energy.kz)

Цифрлық көшпенділер қозғалысын реттеудің құқықтық негіздері: халықаралық тәжірибе және қазақстандық шындық

Андатпа: Мақалада интеллектуалдық көші-қонды реттеудің заманауи тәжірибелері мен мобильді мамандарды тартудың жаңа тетіктері қарастырылады. Олардың қатарында цифрлық көшпенділерге арналған визалық режимдер және диаспорамен өзара іс-қимыл бағдарламалары бар. Policy transfer тәсілі негізінде бес юрисдикцияға (Испания, Португалия, Эстония, Хорватия, БАӘ) салыстырмалы талдау жүргізіліп, олардың негізгі ерекшеліктері мен ортақ элементтері айқындалды. Қазақстандық жағдай стратегиялық құжаттар, заңнамалық бастамалар және шетелдік ЖОО түлектеріне жүргізілген сауалнамалардың эмпирикалық деректері негізінде талданады. Зерттеу нәтижелері қазіргі мемлекеттік саясаттың шетелдік мамандарды тарту мен репатриациялауға көбірек бағытталғанын, алайда шетелде жүрген өз азаматтарын қашықтан жұмылдырудың икемді тетіктері жеткілікті дамымағанын көрсетеді. Мақалада халықаралық тәжірибені цифрлық көшпенділер мен диаспорамен жұмыс істеудің қолайлы әрі заманауи құралдарын бейімдеу мүмкіндігі ретінде қарастыру ұсынылады.

Түйінді сөздер: құқықтық реттеу, цифрлық көшпенділер, көші-қон саясаты, интеллектуалдық көші-қон, халықаралық құқық.

Бұл зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті қаржыландыратын AP26104137 жобасы шеңберінде жасалды.

B. Bokayev¹, M. Nauryzbek*², K. Nauryzbek³

¹Center for Analytical Research and Evaluation under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

²Center for Analytical Research and Evaluation under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

³Samruk-Energy JSC, Shardara HPP JSC and Qazaq Green Power PLC, Astana, Kazakhstan
(e-mail: baurzhanbokayev@gmail.com, m.nauryz@gmail.com, k.nauryzbek@samruk-energy.kz)

Legal frameworks for regulating digital nomad mobility: international experience and kazakhstani realities

Abstract: The article examines contemporary practices of regulating intellectual migration and new instruments for attracting mobile professionals, including visa regimes for digital nomads and diaspora engagement programs. Based on the policy transfer approach, a comparative analysis of five jurisdictions

(Spain, Portugal, Estonia, Croatia, UAE) is conducted, identifying their key features and common elements. The Kazakhstani context is analyzed through strategic documents, legislative initiatives, and empirical data from surveys of graduates of foreign universities. The analysis demonstrates that current state policy is primarily focused on attracting and repatriating foreign specialists, while flexible mechanisms for the remote engagement of Kazakhstan's own citizens abroad remain underdeveloped. The article suggests viewing international experience as an opportunity to adapt more convenient and modern tools for working with digital nomads and the diaspora.

Keywords: legal regulation, digital nomads, migration policy, intellectual migration, international law.

The research was carried out within the framework of grant funding from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (project IRN AP26104137)

References

1. Savvy Nomad Blog, Digital Nomad Statistics 2024, available at: <https://blog.savvynomad.io/digital-nomad-statistics> (accessed 25.09.2025).
2. A Brother Abroad, Digital Nomad Statistics: 2024 Global Trends, available at: <https://abrotherabroad.com/digital-nomad-statistics> (accessed 25.09.2025).
3. ProNomad, Digital Nomad Visa: Full List, available at: <https://pronomad.ru/blog/digital-nomad-visa-full-list/> (accessed 25.09.2025).
4. The Diplomat, Causes and Consequences of Kazakhstan's Brain Drain, available at: <https://thediplomat.com/2024/08/causes-and-consequences-of-kazakhstans-brain-drain> (accessed 25.09.2025).
5. Bokayev B., Beyond Borders: Understanding Intellectual Migration among Kazakhstani Graduates of Foreign Universities (2023), available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1407423.pdf> (accessed 25.09.2025).
6. Saxenian A., From brain drain to brain circulation: Transnational communities and regional upgrading in India and China, *Stud. Comp. Int. Dev.* 40(2), 35–61 (2005), <https://doi.org/10.1007/BF02686293>.
7. D. Dolowitz, D. Marsh, Who learns what from whom: A review of the policy transfer literature, *Polit. Stud.* 44(2), 343–357 (1996), <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00334.x>.
8. Makimoto T., Manners D., *Digital Nomad* (John Wiley & Sons, 1997).
9. Hannonen O., In search of a digital nomad: Defining the phenomenon, *Inf. Technol. Tour.* 22(3), 335–353 (2020), <https://doi.org/10.1007/s40558-020-00177-z>.
10. Müller A., The digital nomad: Buzzword or research category?, *Transnatl. Soc. Rev.* 26(3), 312–318 (2016), <https://doi.org/10.1080/21931674.2016.1229930>.
11. Nash C., Jarrahi M. H., W. Sutherland, G. Phillips, Digital nomads beyond the buzzword: Defining digital nomadic work and use of digital technologies, *Proc. 51st Hawaii Int. Conf. Syst. Sci. (Univ. Hawaii at Manoa, 2018)*, 1–10, https://doi.org/10.1007/978-3-319-78105-1_25.
12. Bahri M. T., Evidence of the digital nomad phenomenon: From 'Reinventing' migration theory to destination countries readiness, *Heliyon* 10(17) (2024), <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e36655>.
13. Becker G.S., *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis* (National Bureau of Economic Research, 1975).

14. World Bank, Module 9—Brain drain, World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies (2023), available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023/brief/module-9-brain-drain> (accessed 25.09.2025).
15. Berger S., Brain drain, brain gain and its net effect, KNOMAD Paper 46, 2022-11 (2022), available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099158408222442073/pdf/IDU-1323fa9f-7756-4666-b6a0-5018bf1c080a.pdf> (accessed 25.09.2025).
16. Rose R., What is lesson-drawing?, J. Public Policy 11(1), 3–30 (1991), <https://doi.org/10.1017/S0143814X00004918>.
17. Minkman E., Buuren A. van, Bekkers V., Policy transfer routes: an evidence-based conceptual model for analyzing policy transfer processes, J. Public Policy 38(2), 280–306 (2018), <https://doi.org/10.1080/01442872.2018.1451503>.
18. Narymbaeva A., Rakhymzhanov Y., Abdukarimova Z., Osmanova G., Satbayeva A., Alimbetova A., Exploring Intellectual and Educational Migration in Kazakhstan: Documentary Analysis, Access to Just. E. Eur. (2024), 317.
19. EY Global, EY Global Immigration Index: Remote Work and Digital Nomads — August 2024, Ernst & Young Global Limited (2024), available at: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-gl/insights/workforce/documents/ey-gl-global-immigration-remote-work-and-digital-nomad-index-09-2024.pdf> (accessed 25.09.2025).
20. Koskela K., Beckers P., Typologizing Digital Nomad Visas: Comparing Policy Rationales from Tourism to Wealth Accumulation to Immigration, J. Comp. Policy Anal. Res. Pract. 26(5), 407–425 (2024), <https://doi.org/10.1080/13876988.2024.2343696>.
21. Bednorz J., Working from anywhere? Work from here! Approaches to attract digital nomads, Ann. Tour. Res. 105, Article 103715 (2024), <https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103715>.
22. Andersson L., Measuring and assessing talent attractiveness in OECD countries, second edition: Methodology paper, OECD Soc., Employ. Migr. Work. Pap. 318 (OECD Publishing, 2025), <https://doi.org/10.1787/133b6085-en>.
23. Akhmetova G., Davletbayeva Z., Ismailova R., Torebekova Z., Education as an Economic Instrument of Internal Migration Regulation in Kazakhstan: Analysis and Evaluation of State Initiatives, J. Soc. Stud. Educ. Res. 16(1), 163–187 (2025).
24. IOM Netherlands, Connecting Diaspora for Development 2 (CD4D2) Final Evaluation Report, IOM The Netherlands (2023), available at: https://iom-nederland.nl/images/CD4D/2023/CD4D2_Final_Report_27-10-23.pdf (accessed 25.09.2025).
25. Hannonen O., Quintana T. A., Lehto X.Y., A supplier side view of digital nomadism: The case of destination Gran Canaria, Tour. Manag. 97, Article 104744 (2023), <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2023.104744>.
26. International Organization for Migration, World Migration Report 2024 (IOM, 2024), <https://doi.org/10.18356/9789292685980>.
27. United Nations, International Migrant Stock 2024: Key facts and figures, UN DESA/POP/2024/DC/NO. 13 (2024), available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf (accessed 25.09.2025).
28. Boletín Oficial del Estado, Ley 28/2022, de fomento del ecosistema de las empresas emergentes (BOE-A-2022-21739) (2022), available at: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2022-21739 (accessed 25.09.2025).

29. Stofferis A., Spain Digital Nomad Visa 2025 Update (2025), available at: <https://citizenremote.com/visas/spain-digital-nomad-visa> (accessed 25.09.2025).
30. Bright!Tax, The Beckham Law in Spain: Tax benefits for expats explained (2023), available at: <https://brighttax.com/blog/beckham-law-in-spain> (accessed 25.09.2025).
31. Get Golden Visa, Beckham Law Spain: Tax regime for foreign workers (2024), available at: <https://getgoldenvisa.com/beckham-law-spain> (accessed 25.09.2025).
32. Euronews, Want to get paid to move to Spain? Extremadura is luring digital nomads with €15,000 grants (2024), available at: <https://www.euronews.com/travel/2024/08/23/want-to-get-paid-to-move-to-spain-extremadura-is-luring-digital-nomads-with-15000-grants> (accessed 25.09.2025).
33. Boletín Oficial del Estado, Acuerdo del Consejo de Ministros por el que se aprueba el Plan de Retorno a España (BOE-A-2019-4705) (2019), available at: <https://www.boe.es/boe/dias/2019/03/30/pdfs/BOE-A-2019-4705.pdf> (accessed 25.09.2025).
34. AIMA, Autorização de residência para o exercício de atividade profissional prestada de forma remota com visto de residência para o exercício de atividade profissional, Agência para a Integração, Migrações e Asilo (2025), available at: <https://aima.gov.pt/pt/trabalhar/autorizacao-de-residencia-para-o-exercicio-de-atividade-profissional-prestada-de-forma-remota-com-visto-de-residencia-para-o-exe> (accessed 25.09.2025).
35. Diário da República, Decreto-Lei n.º 112/2024 (2024), available at: <https://diariodarepublica.pt/dr/detalhe/decreto-lei/112-2024-900706889> (accessed 25.09.2025).
36. Diário da República, Portaria n.º 352/2024 (2024), available at: <https://diariodarepublica.pt/dr/detalhe/portaria/352-2024-901014291> (accessed 25.09.2025).
37. IEFP, Apoio ao regresso de emigrantes a Portugal [Support to the return of emigrants to Portugal], Instituto do Emprego e Formação Profissional (2025), available at: <https://www.iefp.pt/en/apoio-ao-regresso-de-emigrantes> (accessed 25.09.2025).
38. KPMG, Portugal – New rules for non-habitual residents and digital nomads (Flash Alert 2025-044), KPMG Global Mobility Services (25 February 2025), available at: <https://kpmg.com/xx/en/our-insights/gms-flash-alert/flash-alert-2025-044.html> (accessed 25.09.2025).
39. Ministério dos Negócios Estrangeiros, National visas: General information [Tipos de visto], Government of Portugal (2025), available at: <https://vistos.mne.gov.pt/en/national-visas/general-information/type-of-visa#work-and-investigation> (accessed 25.09.2025).
40. Programa Regressar, Programa Regressar: Support for returning emigrants, Government of Portugal (2025), available at: <https://www.programaregressar.gov.pt/en/> (accessed 25.09.2025).
41. VFS Global, D residence visa for digital nomads – Portugal, VFS Global (2025), available at: <https://www.vfsglobal.com/one-pager/portugal/india/english/pdf/d-residence-visa-digital-nomads.pdf> (accessed 25.09.2025).
42. Visit Estonia, Digital nomad visa, Visit Estonia (n.d.), available at: <https://visitestonia.com/en/digital-nomad-visa> (accessed 25.09.2025).
43. Y-Axis, Latest move: Estonia opens digital nomad visa (10 July 2020), available at: <https://www.y-axis.com.au/blog/latest-move-estonia-opens-digital-nomad-visa/> (accessed 25.09.2025).
44. Embassy of Estonia in Washington, D.C., Long-stay (D) visa — Digital nomad visa, Ministry of Foreign Affairs of Estonia (n.d.), available at: <https://washington.mfa.ee/long-stay-d-visa/> (accessed 25.09.2025).
45. Estonian Tax and Customs Board, Tax residency, Estonian Tax and Customs Board (n.d.), available at: <https://www.emta.ee/en/private-client/foreigner-non-resident/tax-residency> (accessed 25.09.2025).

46. Ministry of Foreign Affairs of Estonia, Estonian diaspora action plan 2022–2025, Ministry of Foreign Affairs of Estonia (2022), available at: <https://vm.ee/sites/default/files/documents/2022-10/Estonian%20Diaspora%20Action%20Plan%202022-2025.pdf> (accessed 25.09.2025).
47. Integration Foundation, Return support, Integration Foundation (n.d.), available at: <https://integratsioon.ee/en/return-support> (accessed 25.09.2025).
48. Ministry of the Interior of the Republic of Croatia, Temporary stay of digital nomads, Ministry of the Interior (n.d.), available at: <https://mup.gov.hr/aliens-281621/stay-and-work/temporary-stay-of-digital-nomads/286833> (accessed 25.09.2025).
49. Expat in Croatia, How to apply for Croatia's digital nomad visa (15 January 2025), available at: <https://www.expaticroatia.com/digital-nomad-visa-croatia/> (accessed 25.09.2025).
50. Wolters Kluwer International Tax Blog, Croatia: A new (tax-free) promised land for digital nomads — Part I (24 February 2022), available at: https://legalblogs.wolterskluwer.com/international-tax-law-blog/croatia-a-new-tax-free-promised-land-for-digital-nomads-part-i/#_ftn8 (accessed 25.09.2025).
51. General Directorate of Residency and Foreigners Affairs — Dubai, Residence visa for working outside the UAE (Virtual Work Residence Visa), Government of UAE (15 July 2024), available at: <https://u.ae/en/information-and-services/visa-and-emirates-id/residence-visas/residence-visa-for-working-outside-the-uae> (accessed 25.09.2025).
52. Citizen Remote, Dubai Digital Nomad Visa 2025 update (5 July 2025), available at: <https://citizenremote.com/visas/dubai-digital-nomad-visa/> (accessed 25.09.2025).
53. Airbnb, Live and work in Dubai (2025), available at: <https://www.airbnb.ae/e/liveandworkanywheredubai> (accessed 25.09.2025).
54. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30.11.2022 No. 961 "Ob utverzhdenii Konceptii migracionnoj politiki na 2023–2027 gody," Adilet, available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961> (accessed 25.09.2025). [in Russian]
55. Zakon Respubliki Kazahstan "O migracii naselenija" ot 22.07.2011 No. 477-IV (s izmenenijami i dopolnenijami), Adilet, available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (accessed 25.09.2025). [in Russian]
56. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 28.01.2012 No. 148 "Ob utverzhdenii Pravil v'ezda i prebyvanija v Respublike Kazahstan, a takzhe Pravil vyezda iz Respubliki Kazahstan," Adilet, available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1200000148> (accessed 25.09.2025). [in Russian]
57. QazLegalConsult, Neo Nomad Visa (B12-1), QazLegalConsult (2025), available at: <https://qazlegalconsult.kz/index.php/en/our-services/12-1-neo-nomad-visa> (accessed 25.09.2025). [in Russian]
58. Egov.kz, Digital Nomad Residency, Elektronnoe pravitel'stvo Respubliki Kazahstan (2025), available at: https://egov.kz/cms/en/news/digital_nomad_residency (accessed 25.09.2025). [in Russian]
59. Otandastar qory / Otandastar Foundation, available at: <https://oq.gov.kz/> (accessed 25.09.2025). [in Russian]
60. Amerhanova I.K., Dzhusibalieva A.K. Қазақстан Республикасында ішкі көші-қон үдерісін құқықтық реттеу. Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya Pravo. № 3(140)/2022. <https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/35/15>. Doi: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2022-140-3-8-20>
61. Gosudarstvennaja programma "Bolashak," Oficial'nyj sajt programmy "Bolashak," available at: <https://bolashak.gov.kz/kz> (accessed 25.09.2025). [in Russian]

Сведения об авторах:

Бокаев Б.Б. – доктор философии (PhD), профессор, Центр исследований, анализа и оценки эффективности при Высшей аудиторской палате РК, г. Астана, Казахстан

Наурызбек М.Д. – автор для корреспонденции, доктор DPA, доктор по профилю «Государственное управление», эксперт отдела исследований и прогнозирования Центра исследований, анализа и оценки эффективности при Высшей аудиторской палате РК, Астана, Казахстан

Наурызбек К.Д. – со-главный директор по инвестициям АО «Самрук-Энерго», Председатель Совета директоров АО «Шардаринская ГЭС» и Qazaq Green Power PLC, Астана, Казахстан

Бокаев Б.Б. – PhD докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Жоғары аудиторлық палатасы жанындағы Зерттеулер, талдау және тиімділікті бағалау орталығы, Астана, Қазақстан

Наурызбек М.Д. – хат-хабар авторы, DPA докторы, «Мемлекеттік басқару» бағыты бойынша доктор, Қазақстан Республикасы Жоғары аудиторлық палатасы жанындағы Зерттеулер, талдау және тиімділікті бағалау орталығының зерттеу және болжау бөлімінің сарапшысы, Астана, Қазақстан

Наурызбек К.Д. – «Самұрық-Энерго» АҚ-ның бірлескен инвестициялар жөніндегі бас директоры, «Шардара СЭС» АҚ және Qazaq Green Power PLC Директорлар кеңесінің төрағасы, Астана, Қазақстан

Bokayev B. – PhD, Professor, Center for Analytical Research and Evaluation under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Nauryzbek M. – Doctor of Public Administration (DPA), Expert of the Research and Forecasting Department, Center for Analytical Research and Evaluation under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Nauryzbek K. – Co-Chief Investment Officer, Samruk-Energy JSC; Chairman of the Board of Directors, Shardara HPP JSC and Qazaq Green Power PLC, Astana, Kazakhstan

Copyright: © 2025 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).